Л.Н. Хаховская*

СОВЕТСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ЧУКОТСКОГО ОЛЕНЕВОДСТВА В 1940-е гг.

В статье рассматриваются социальные и экономические аспекты советской модернизации оленеводства на Чукотке в 1940-е гг. Автор обращает внимание на неравномерность модернизационных подвижек, обусловленную прежде всего внешними факторами. Органы власти стремились в первую очередь реформировать архаичный социальный уклад оленных чукчей. В течение 1940-х гг. эта цель была в основном достигнута. В то же время советская администрация не смогла модернизировать пастушество как сферу экономики и природопользования. Органы центральной и местной власти в этот период оказались не в состоянии выработать рациональную концепцию развития чукотского оленеводства.

Ключевые слова: оленеводство, Чукотка, советская власть, модернизация, колхоз, коллективизация, коренные жители

The soviet modernization of deer breeding in Chukotka in the 1940s.
LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

The author discusses the social and economic aspects of the soviet modernization of deer breeding in Chukotka during the 1940s and draws attention to the unevenness of modernization shifts, caused primarily by external factors. The authorities primarily sought to reform the archaic social structure of the reindeer Chukchi. This goal was mainly achieved during the 1940s. However, the Soviet administration was unable to modernize deer breeding as a sphere of the economy and environmental management. The central and local authorities failed to work out an efficient concept for the development of Chukchi deer breeding at this period.

Keywords: deer breeding, Chukotka, Soviet power, modernization, kolkhoz, collectivization, indigenous population

Коренные малочисленные народы Севера в XX в. испытали кардинальные изменения своего жизненного уклада, связанные с социалистическими преобразованиями. Для осмысления трансформаций советского периода в качестве

концептуальной рамки плодотворно используется теория модернизации, которая в общем виде, как одна из аналитических моделей в гуманитарных науках, описывает развитие общества от традиционного, патриархального строя

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2019

к индустриальному и постиндустриальному [5]. Углублением модернизационного подхода является модель парциальной, или частичной модернизации [2, с. 72–83]. Эта модель более точно отражает эволюцию этнолокальных сообществ, так как констатирует множественность путей движения к модерности, в ходе которого на определенных хронологических отрезках формируются переходные сообщества с трансформированным, гибридным социокультурным обликом.

Неравномерность модернизации обусловлена как внутренними факторами, связанными с наследуемыми этнолокальным сообществом структурами и традициями, так и неодинаковой силой внешнего воздействия на различные сферы реформируемого общества. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, каким образом происходило советское преобразование оленеводства на Чукотке в 1940-е гг. Данный период особенно важен и показателен, так как демонстрирует неоднородность изменений в социальной и экономической составляющих советской модернизации чукотского оленеводства. Органы власти, исходя из общеполитической установки, стремились в первую очередь реформировать социальные отношения оленных чукчей, демонтировать архаичный уклад взаимной жесткой зависимости безоленных, малооленных и зажиточных хозяев и, в конечном счете, превратить традиционных оленеводов в коллективистов и аграрных рабочих [7]. Задача же организации эффективного природопользования находилась на втором плане, вследствие чего в рассматриваемый период развитие оленеводства, при всей его значимости и огромной жизнеобеспечивающей роли, не являлось приоритетным для советской администрации.

На начало 1940 г. на Чукотке насчитывалось 407 тыс. голов оленей, из них в Анадырском районе – 151,1 тыс., в Чаунском – 101,8 тыс., в Чукотском – 65,1 тыс., в Восточно-Тундровском – 57,3 тыс., в Марковском – 31,7 тыс. (Государственный архив Магаданской области, далее – ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 60). В это время Чукотка являлась одним из немногих регионов Советского Союза, где в значительном количестве сохранялись единоличные хозяйства, причем существовали они исключительно в сфере оленеводства, поскольку оседлые жители были полностью коллективизированы.

Организованные в тундре коллективные хозяйства (представленные в виде товариществ

по совместному выпасу оленей), в отличие от береговых колхозов, существовали скорее формально, чем фактически, потому что в новых организационных формах, как правило, воспроизводились прежние методы хозяйствования и личностные взаимоотношения. В большинстве хозяйств отсутствовали обобществленные олени, то есть они, по сути, объединяли единоличников, среди которых продолжала существовать традиционная иерархическая социальная структура. «В таких товариществах маломощные, безоленные и малооленные колхозники часто попадают под эксплуатацию к мощным хозяйствам колхозников, у которых имеется в личном пользовании свыше 300 оленей. Таких товариществ в Чаунском районе 9, в Чукотском 14, в Марковском 3, в Анадырском 4 и в Восточно-Тундровом 2» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 66. Л. 10, 11).

Доля колхозных оленей в округе едва превышала 10% всего поголовья, тогда как доля единоличного сектора достигала 80%, причем половина этого поголовья содержалась в хозяйствах зажиточных оленеводов (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 42. Л. 45). Всего оленеводством на Чукотке занимались 1629 хозяйств, но только 359 из них составляли хозяйства лиц, вошедших в колхозы, а остальные оставались единоличниками. Основная масса оленей находилась в частной собственности, а в колхозах количество обобществленных оленей было намного меньше, чем в личном владении колхозников (Рис. 1).

Следует отметить, что коллективизация в условиях Чукотки имела особенности: здесь не проводилась полная ликвидация хозяйств, признанных кулацкими. Так называемые кулаки могли вступить в колхоз на условиях обобществления определенного количества оленей, пользоваться общими правами колхозников и сохранить часть животных в личном владении. Репрессии против оленеводов («изъятие» из тундры, судебное преследование) наступали в том случае, если они открыто боролись против советской власти. Определенная часть кочевники поэтому шла на добровольное «самораскулачивание», но при этом сохраняла свои привилегии, связанные с обладанием значительным стадом.

Генеральные установки органов власти относительно модернизации чукотского оленеводства в 1940-х гг. состояли в следующих мерах. Во-первых, они были нацелены на продолжение

Рис. 1. Структура собственности на оленей в Чукотском национальном округе, голов (на начало 1940 г.).

Источник: ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 61.

политики социальной инженерии в оленеводческой среде. Речь шла об окончательной ликвидации статусного и имущественного неравенства, в ходе которой советская администрация стремилась получить своего рода «идеальный тип» малооленного хозяина-колхозника, обладавшего некоторым количеством личных оленей, но основные средства к жизни получавшего от работы в колхозе. Такая установка, с одной стороны, вела к продолжению политики «отрыва батрака от кулака» и давления на кочевников, признанных кулаками. С другой стороны, власть стремилась предотвратить полное «обезоленивание» колхозников и сохранить их статус как владельцев небольших личных стад.

Во-вторых, шла профессионально-трудовая перестройка кочевого общества. Изначально органы власти исходили из представления о «перенаселенности тундры», наличия в стойбищах большого числа людей, не принимавших непосредственного участия в выпасе. Считалось, что оленеводческие бригады во вновь созданных колхозах обременены едоками, которым предстояло получить другие профессии. Этих «лишних людей» предстояло переместить на берег, в стационарные селения. В-третьих, была продолжена модернизация оленеводческого хозяйства в части наращивания поголовья, улучшения организации труда, внедрения зооветеринарных методов, налаживания учета и отчетности.

Эти задачи могли быть выполнены только в результате согласованных усилий оленеводов под постоянным контролем со стороны органов власти. Но в 1940-х гг. со всей полнотой выявилась локальная и институциональная разобщенность руководящих работников и тех людей, которые непосредственно работали в тундре. Уполномоченные лица от партийных и советских организаций длительное время проводили в береговых колхозах, мобилизуя население на выполнение планов добычи морских животных и рыбы. Это было необходимо для обеспечения питания коренных оседлых жителей, у которых по-прежнему часто случались голодовки. Кроме того, от наличия достаточного количества рыбы и мяса морских животных в значительной степени зависела добыча пушных зверей, для которых выкладывали привады и приманки. Во время Великой Отечественной войны в колхозах основное внимание уделялось именно добыче пушнины, так как она приносила валютную прибыль.

Напротив, в тундре организационная работа велась слабо. Поэтому в 1940-х гг., особенно в первой половине десятилетия, оленеводы в значительной мере были предоставлены самим себе, хозяйство они продолжали вести в рамках сложившейся традиции. Численность обобществленных животных росла медленными темпами, поскольку для пастухов увеличение их количества теперь, когда олени не принадлежали им лично, не являлось самоцелью. Это была внешняя по отношению к оленеводческим коллективам задача, и контроль за ее выполнением ложился на партийную, хозяйственную и советскую администрацию. Но взаимодействие представителей органов власти с оленеводами осложнялось существованием значительного разрыва между ожиданиями первых и повседневными практиками последних.

Первая половина 1940-х гг. отмечена достаточно мягкими формами вовлечения оленеводов в коллективные хозяйства. В значительной степени здесь действовал геополитический фактор. Военное положение привело к острой нехватке материальных, финансовых и трудовых ресурсов на Чукотке, что снизило актуальность задачи полной ликвидации кулачества. Поэтому руководители округа и районов смотрели сквозь пальцы на натуральный характер оленеводства и архаичные приемы выпаса в коллективных хозяйствах, понимая тщетность попыток вывести отрасль на какие-либо новые

рубежи. Важно также и то, что переживаемые страной трудности в определенной степени примирили аборигенное население с существованием колхозной системы. Патриотический подъем не был пустым звуком для многих коренных жителей Чукотки: здесь успешно прошли три военных займа, население активно участвовало в денежных лотереях, массовый характер приняло пожертвование личных оленей для оснащения Красной армии, изготовление теплых меховых вещей для бойцов.

Незадолго до окончания войны руководство начинает предпринимать серьезные шаги в реформировании чукотского оленеводства. В январе 1944 г. в Анадыре состоялось окружное оленеводческое совещание, на котором советские сотрудники старались донести насущные задачи колхозного строительства непосредственно до пастухов. В оленеводческих бригадах был проведен пересчет животных, стада распределили и закрепили за бригадами с постоянным составом пастухов. Улучшилось снабжение бригад продуктами, что привело к сокращению забоя для личных нужд и позволило колхозникам сохранять своих оленей. В колхозах организовали выдачу натуральной оплаты на трудодень. Эти нововведения сыграли большую роль, так как колхозы становились притягательными прежде всего для малооленных и безоленных пастухов, которые еще работали у единоличников. Кроме того, колхозы округа за 1939–1943 гг. получили от государства ссуды более чем на 1 млн. руб., которые были использованы на приобретение оленей у зажиточных хозяйств (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 192. Л. 16). Такого рода социальные и экономические меры приводили к тому, что крупные хозяева-единоличники утрачивали резерв рабочей силы, размер их стад постепенно уменьшался.

На 1 января 1945 г. из общего количества чукотских оленей, которые составляли примерно 418 тыс. голов, обобществлено было 232 тыс. голов, то есть более половины. В регионе существовало более 30 оленеводческих колхозов, 6 оленесовхозов и 1 подсобное оленеводческое хозяйство Дальстроя. В оленеводстве было занято более 7 тыс. человек, или 50% аборигенного населения (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 218. Л. 88).

Вместе с тем на начало 1945 г. более 40% оленей принадлежало единоличникам. Основная масса единоличников сосредоточилась в трех районах Чукотки – Анадырском, Чукотском и Чаунском. В Анадырском районе насчитывалось

более 420 единоличных хозяйств с 28,5 тыс. животных, которые кочевали в Хатырской, Танюрерской, Майно-Гытхинской и Канчалано-Уэлькальской тундрах, а также в Мухоморненском и Майно-Пыльгинском сельсоветах и по северному берегу залива Креста. В Чукотском районе (Амгуэмская тундра) кочевали более 60 единоличников, у которых «никто никогда не учитывал оленей и не знает их (предполагают, что их не менее 30 тыс. голов)». Значительное количество оленей в единоличном пользовании приходилось на Чаунский район (около 20 тыс. у 52 оленеводов). В Восточно-Тундровском и Марковском районах коллективизация была в основном закончена, там осталось только 14 единоличных хозяйств с 2 тыс. оленей (ГАМО. Ф. П-22. Оп.1. Д. 218. Л. 104).

В середине 1940-х гг. коллективизация шла в основном за счет бедняцких и середняцких хозяйств, тогда как основная масса крупных оленеводов в колхозы не вступала. На начало 1947 г. в Чукотском округе сохранялось 496 единоличных хозяйств, которые выпасали примерно 178 тыс. голов оленей, средняя обеспеченность единоличной семьи достигла 400 голов.

Несмотря на модернизационные усилия советской администрации, 1940-е гг. характеризуются консервацией архаики в сфере оленеводства. Оленеводческие бригады вели прежнее натуральное хозяйство со стихийным выпасом и отсутствием прироста поголовья. Вводимые властями зооветеринарные мероприятия (обработка и лечение животных, племенная работа, выбраковка) пастухи, как правило, саботировали. В социальном плане в ряде колхозов наблюдалось воспроизводство традиционных имущественно-иерархических отношений. Другими словами, для некоторых колхозников мало что изменилось: место прежнего хозяина занял бригадир, более того, иногда это были одни и те же лица. В итоге некоторые коллективизированные хозяйства мало чем отличались от единоличных: колхозники выпасали преимущественно своих личных оленей, продолжали кочевать отдельными семьями, придерживались собственных маршрутов. Из-за того, что в личной собственности некоторых колхозников оставалось значительное количество животных, в бригадах даже сохранялось имущественное расслоение и зависимость, когда бедные колхозники нанимались в услужение к более зажиточным.

Например, члены колхоза «Красный оленевод», кочевавшие в верховьях р. Хатырки (Ана-

дырский район), согласно отчету от 1947 г., вели образ жизни, приближенный к традиционному. Колхозники выпасали своих личных оленей (2630 голов) в 5 стадах и продолжали «кочевать отдельными стойбищами более сродственными». Сохранялось имущественное расслоение и зависимость: «Среди всех колхозников имеются зажиточные хозяйства с поголовьем в личном пользовании 400 и более голов – Тевлят, Сявына, Киргинтограу, Эйгинто и Тынелькут, а отдельные колхозники имеют незначительное количество оленей и для того, чтобы обеспечить семью, они вынуждены опять-таки наниматься пастухами к более зажиточным хозяйствам, или же вынуждены терпеть некоторые лишения и недоедания» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 312. Л. 39).

Лишения, которые претерпевали малоимущие колхозники, были вызваны различными причинами – общей хозяйственной дезорганизацией, отсутствием надлежащего учета, снабжения, злоупотреблениями руководителей хозяйств. Настоящим бедствием для колхозников-тундровиков стал недостаток кожи морских животных: «В колхозах ежегодно не хватает подошвы из лахтака, для подошвы употребляют щетки оленя, которые размокают и повседневно весной и летом ноги пастухов мокрые, пастухи простывают, заболевают ревматизмом. <...> без подошвы физически невозможно выпастить поголовье оленей в летний и осенний периоды» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 337. Л. 7). Оленеводы-колхозники не могли, как прежде, выменивать жизненно необходимые им вещи у морских зверобоев, а государственная торговая сеть никак не могла наладить заготовку и доставку их в тундру. Единоличники же, ведя самостоятельный обмен с береговыми жителями, находились в более благоприятном положении, что служило основанием для демонстрации своего преимущества сородичам: «Единоличники на почве этого дезорганизуют дисциплину в бригадах колхоза и держат козырь перед колхозниками о том, что “у вас нет подошвы и ремня, а у нас сколько угодно”» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 337. Л. 60).

Таким образом, существовавший способ ведения хозяйства вступил в противоречие с принципами, на которых должен был быть основан аграрный сектор социалистической экономики. Дальнейшая модернизация оленеводческих хозяйств Чукотки шла по пути настойчивого, но далеко не всегда эффективного изживания

тех черт традиционного природопользования, которые были связаны с экстенсивностью, архаичностью, застоём. В течение десятилетия неоднократно проводились слияния «бесперспективных в своем развитии» колхозов и товариществ с более крупными.

В конце 1940-х гг. на Чукотке возобновилось «наступление на кулака». Единоличников вынуждали вступать в колхозы различными мерами, в том числе путем обложения их хозяйств повышенной ставкой сельскохозяйственного налога. В итоге в колхозы была вовлечена основная масса чукотских оленеводов и произошло перераспределение поголовья в пользу колхозов (Рис. 2). Эти акции сопровождалось ростом социальной напряженности, в ряде местностей Чукотки прошли выступления кочевников, направленные против насаждения колхозной системы. Одним из таких выступлений было так называемое Березовское восстание 1949 г., которое в значительной мере было вызвано про-

тивостоянием между руководителями колхоза, «старыми» колхозниками и вновь вошедшей в колхоз вилюнейской группой единоличников [3, с. 131; 4, с. 88].

Темпы прироста общественного поголовья, достигнутые в 1940-х гг. в основном за счет принудительной коллективизации, к концу этого десятилетия резко замедлились из-за того, что вновь созданным хозяйствам не удавалось обеспечить стабильную работу. Чукотское оленеводство переживало трудности, обусловленные попытками модернизации отрасли без достаточного организационного, кадрового и материального обеспечения. Руководители ряда хозяйств, не имея возможности рационально организовать труд пастухов в изменившихся социально-экономических условиях, первоочередное внимание стали уделять развитию тех производств, которые давали быструю финансовую отдачу. Документально зафиксировано, например, что в колхозах «Имени Сталина»,

Рис. 2. Динамика структуры собственности на оленей в Чукотском национальном округе, тыс. голов (на начало года).
Источник: ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 576. Л. 32; Д. 235. Л. 9.

«Маяк Севера» (Анадырский район) «оленоводческое хозяйство находится в загоне, основное стремление – к организации рыболовства», в колхозе «Угляткак» «все свое внимание обратили на морской зверобойный промысел» (ГАМО. Ф. П-612. Оп. 1. Д. 1. Л. 12). Оленеводство же как в этих, так и в большинстве других хозяйствах, в значительной мере было пущено на самотек.

Развитие оленеводства контролировалось слабо, поэтому пастушеские коллективы, в управлении которых находилось общественное стадо, не были мотивированы на сохранение и приумножение поголовья. По существу, они не несли ответственности ни за высокие непроизводительные потери, ни за сверхнормативный забой на питание. Кроме того, большим испытанием для пастухов стала смена ритма трудовой деятельности, которая заключалась в переходе от сезонных колебаний загруженности пастушеством к постоянному окарауливанию стада постоянным же составом бригад. Люди, воспитанные в качественно иной культуре, далеко не сразу сумели адаптироваться к этим требованиям, предъявляемым плановой экономикой. Например, в 1948 г. из 832 трудоспособных колхозников Анадырского района минимум трудодней выработали только 266 чел., в 1949 г. из 914 – 307 чел. (ГАМО. Ф. П-612. Оп. 1. Д. 14. Л. 5).

Повседневная жизнь и оленеводов-колхозников, и единоличников по-прежнему оставалась замкнутой в рамках полунатурального хозяйства. Товарное снабжение кочевников глубинной тундры было скудным. «Неудовлетворительно работает торговая сеть. Хлеб, сухари, сушки, чайная посуда, тарелки, чайники, материал ярких расцветок на камлейки, табак почти не доходят до кочевого оленеводческого населения. Тарелки, чайная посуда в некоторых оленеводческих бригадах представляют музейную редкость. Во многих бригадах в 8–10 человек имеется 1 тарелка, 1 кружка. Медные чайники, которые только и пригодны в тундре, насчитываются единицами. В глубокой тундре за 100 грамм табака кочевники предлагают оленя» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 228. Л. 9).

К началу 1950-х гг. коллективизация тундрового населения была в основном завершена. На территории Чукотского национального округа действовали 65 колхозов, из них 52 занимались оленеводством. Численность общественных животных в них достигла 185,8 тыс.,

что составляло 46,6% всего поголовья округа. В личной собственности колхозников оставалось 19,1% чукотского стада, у единоличников – 25,7%¹ [6, с. 12]. На Чукотке еще сохранялось 165 единоличных хозяйств, и это были наиболее зажиточные оленеводческие семьи, так как их обеспеченность оленями составляла примерно 620 голов на домохозяйство. Основная масса единоличников кочевала в «хребтах гор Осиновской, Танюерской, Канчаланской и Амгуэмской тундр» (Анадырский и Чукотский районы).

В экономическом, социальном, организационном плане коллективные оленеводческие хозяйства были весьма слабыми. По мнению некоторых исследователей, к началу 1950-х гг. в ряде районов Чукотки оленеводство пришло в упадок, что было следствием незадолго до того проведенной коллективизации [1, с. 6–14]. Дело заключалось не только в принудительном обобществлении животных, но и в отсутствии финансовых, материальных и кадровых ресурсов во вновь организованных коллективных хозяйствах. В целом реформированию социальных форм и традиционного уклада не предшествовало создание материально-технической базы хозяйств, она обустроивалась уже «в ходе самого процесса» [3, с. 162].

В этот период в оленеводческой отрасли сохранялся целый ряд традиционных черт хозяйствования, поскольку намеченная органами власти программа модернизация труда и быта кочевников оказалась трудновыполнимой. Плохо обстояло дело со снабжением пастухов продуктами первой необходимости, сахаром, чаем, медикаментами. Колхозы из-за транспортных трудностей не в состоянии были обеспечивать кочевников даже имеющимися на центральной усадьбе товарами. Пищевой рацион по-прежнему базировался на преимущественном употреблении оленьего мяса, забой на питание оставался высоким, что вызывало озабоченность советских руководителей (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 4, 11).

Источник и структура роста оленьих стад характеризуют экстенсивный характер развития: основной прирост общественного поголовья округа достигался за счет покупки оленей и обобществления стад единоличников, вступивших в колхозы. Прирост же за счет общественного воспроизводства, то есть на основе

¹ Остальное поголовье находилось в оленеводческих совхозах и подсобных хозяйствах.

собственных колхозных стад, составлял только 9,8% (около 20,5 тыс. голов) ежегодно. Далее, анализ роста общественного поголовья, полученного за счет расширенного воспроизводства, показал, что в ряде районов Чукотки он был достигнут не путем успешной борьбы за сохранение поголовья и выращивания молодняка, а в результате максимального сокращения ветеринарной и зоотехнической выбраковки оленей. Пастухам, конечно, было хорошо известно, что отсутствие выбраковки приводит к засорению стада слабыми и малопродуктивными животными, что, в свою очередь, повышает непроемкие отходы по всему стаду. Тем не менее, работа по выбраковке проводилась слабо, или вовсе не проводилась, что объясняется как объективными трудностями, так и субъективными причинами – стремлением любой ценой выполнить формальные показатели по численности поголовья.

К началу 1950-х гг. на Чукотке основное поголовье оленей было аккумулировано в социалистическом секторе. В силу этого оленеводство становилось основной отраслью аграрного производства, что позволило советской администрации рассматривать его в качестве главного рычага по поднятию экономики края. Однако органы власти констатировали слабую организацию пастушества, крайне медленный рост оленепоголовья в округе (ГАМО. Ф. Р-146. Оп. 1. Д. 2. Л. 8). В этот период, осознавая важность оленеводства, руководство округа тем не менее не могло выработать рациональных основ его развития. Признавалось, что «олeneводческое хозяйство остается самой отсталой отраслью хозяйства как по технике выпаса, так и по структуре [стада], в результате чего является малотоварной и низкодоходной отраслью» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 66. Л. 4); «Оленеводство остается темным. Все мы прекрасно знаем, что оно существует, что оно выражается в больших цифрах, а принцип его развития, использование его как дохода в экономике округа [неясен]. <...> Оленеводство остается в полудиком состоянии» (ГАМО. Ф. П-22. Оп. 1. Д. 54. Л. 56, 57).

Таким образом, в рассмотренное время основные модернизационные усилия советской власти в сфере оленеводства были направлены на социальное преобразование традиционного чукотского общества, в котором все еще сохранялись элементы патриархального уклада и крупной частной собственности. 1940-е гг. стали десятилетием, когда в основном состо-

ялся переход от иерархической структуры, основанной на имущественном расслоении оленеводов, к системе уравнилельных отношений одинаковой зависимости пастухов от государства, которая была реализована в коллективных хозяйствах. Вместе с тем, модернизация оленеводства как экономической сферы только начиналась и в этот период была крайне слабой и малоэффективной. В центре внимания советской администрации находился контроль над развитием других традиционных отраслей, которые давали более быструю экономическую отдачу (пушной промысел) или же напрямую были связаны с выживанием коренного населения (морской зверобойный промысел). Органы власти не имели четкой концепции развития чукотского оленеводства и не обладали полной и достоверной информацией о его текущем состоянии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бацаев И.Д. Агропромышленный комплекс Северо-Востока России 1954–1991 гг. (этапы развития, особенности, эффективность). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001.
2. Волков Л.Б. Теория модернизации – пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. М.: ИНИОН, 1985. С. 25–93.
3. Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). Магадан: Кн. изд-во, 1981.
4. Нувано В.Н. Трагедия в селах Березово и Ваеги: 1940, 1949 // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследования – ГЕОС, 2008. С. 85–90.
5. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006.
6. Устинов В.И. Оленеводство на Чукотке. Магадан: Кн. изд-во, 1956.
7. Хаховская Л.Н. Советская модернизация оленеводства в отдаленных северных регионах (на примере Анадырского района Чукотки) // Этнографическое обозрение. 2011. № 6. С. 112–127.

REFERENCES

1. Batsaev, I.D., 2001. Agropromyshlennyy kompleks Severo-Vostoka Rossii 1954–1991 gg. (etapy razvitiya, osobennosti, effektivnost')

[Agro-industries of the North-East of Russia in 1954–1991: stages of development, features, effectiveness]. Magadan: Izdatel'stvo SVKNII DVO RAN. (in Russ.)

2. Volkov, L.B., 1985. Teoriya modernizatsii – peresmotr liberal'nykh vzglyadov na obshchestvenno-politicheskoe razvitie [Modernization theory – revision of liberal views of socio-political development]. In: Kriticheskii analiz burzhuaiznykh teorii modernizatsii. Moskva: INION, pp. 25–93. (in Russ.)

3. Garusov, I.S., 1981. Sotsialisticheskoe pereustroistvo sel'skogo i promyslovogo khozyaistva Chukotki (1917–1952 gg.) [Socialist reorganization of Chukotka's agriculture and crafts, 1917–1952]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

4. Nuvano, V.N., 2008. Tragediya v syolakh Berezovo i Vaegi: 1940, 1949 [The tragedy in Beryozovo and Vaegi villages (1940, 1949)]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye

materialy. Moskva: Institut Naslediya – GEOSS, pp. 85–90. (in Russ.)

5. Poberezhnikov, I.V., 2006. Perekhod ot traditsionnogo k industrial'nomu obshchestvu: teoretiko-metodologicheskie problemy modernizatsii [Transition from traditional to industrial society: theoretical and methodological problems of modernization]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Ustinov, V.I., 1956. Olenevodstvo na Chukotke [Deer breeding in Chukotka]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

7. Khakhovskaya, L.N., 2011. Sovetskaya modernizatsiya olenevodstva v otdalennykh severnykh regionakh (na primere Anadyr'skogo raiona Chukotki) [The Soviet modernization of deer breeding in remote northern regions (the case of the Anadyr Region of Chukotka)], Etnograficheskoe obozrenie, no. 6, pp. 112–127. (in Russ.)